

Она положила письмо с признанием в любви ему в руку и, словно натянутая резинка, мгновенно отпрыгнула, смущённо сказав:

— Прости, но я не могу принять твои чувства. Это письмо, которое ты попросил Ван Жоханя передать мне, возвращаю тебе.

Письмо, написанное Ван Жоханем, разве не было уничтожено? Когда он вообще просил Ван Жоханя передать письмо? Что происходит? Неужели Галерея Булан — это недоразумение?

Он сделал несколько быстрых шагов вперёд и, не дав Юань Сяолин опомниться, схватил её за руку, с трудом сдерживая улыбку:

— Юань Сяолин, спасибо за твоё письмо.

— А? — она растерялась, побледнела, а её рука оказалась крепко зажатой, и она не могла освободиться.

Он поспешно объяснил:

— Нет... спасибо за моё письмо.

...

Разве можно так радоваться после отказа?

— Нет, спасибо за письмо Жоханя. — Он, словно ребёнок, не умеющий говорить, смущённо и радостно бормотал:

— Нет... письмо, спасибо тебе...

...

Он радостно напевал, уходя, шаги его были необычайно легки.

Парень, парень, да, он хочет быть парнем Ван Жоханя.

Оказывается, он не был расстроен тем, что Ван Жохань признался в любви Юань Сяолин, он был расстроен тем, что Ван Жохань признался Юань Сяолин.

Всё было неправильно...

Он всегда думал, что его внимание сосредоточено на Юань Сяолин, но на самом деле с самого

начала его заботил только Ван Жохань.

Ван Жохань не может любить Юань Сяолин, любить может только он.

Да...

В его глазах всегда был Ван Жохань! Почему он понял это только сейчас?

Чёрт!

Чжа Нань сказал, что он переживает разрыв, да! Он действительно думал, что у Ван Жоханя есть кто-то, но оказалось, что нет, он не переживает разрыв.

Ван Жохань не его брат, нет, нет, никогда им не был...

Осознав свои настоящие чувства к Ван Жоханю, он решил объясниться и извиниться.

Каждый день он искал возможность извиниться.

Утром он вставал рано, чтобы ждать Ван Жоханя на пути в школу; по прибытии в школу они вместе бегали по утрам; после уроков он учил его приседаниям; в обед они ели вместе, а затем тренировались; вечером они бегали и возвращались домой.

Однако всё это происходило на расстоянии не менее десяти метров. Когда он пытался учить Ван Жоханя приседаниям, тот совсем не слушал.

Ван Жохань словно делал его невидимым: как только он приближался, тот увеличивал дистанцию, делая её ещё больше.

У него не было возможности приблизиться к Ван Жоханю, не было возможности поговорить. Чем это отличалось от разрыва?

Он не хотел разрыва.

Не долго думая, он перекрыл выход из туалета, где только что вышел Ван Жохань.

Разве Ван Жохань будет сидеть в туалете вечно, лишь бы избежать его?

Как только Ван Жохань вышел, Чжан Юнцян загнал его в угол у туалета, положив руки на стены с обеих сторон. Ван Жохань, словно беспомощный цыплёнок, оказался в ловушке.

Чжан Юнцян, смотря на него, спросил:

— Ты собираешься игнорировать меня всю жизнь?

Ван Жохань, не решаясь смотреть ему в лицо, опустил голову:

— Ты сказал, что мы больше не братья.

Чжан Юнцян искренне произнёс:

— Ты никогда не был мне братом.

...

— Ты мой... — он вдруг запнулся.

А вдруг Ван Жохань не любит его?

Сердце его сжалось от боли.

Чжан Юнцян не хотел думать дальше:

— Ты мой ученик, как ты можешь быть мне братом?

Только произнеся это, он захотел ударить себя кирпичом. Он такой трус?

Ван Жохань сказал:

— Я больше не хочу становиться сильнее.

Чжан Юнцян сразу нахмурился:

— Почему?

— Стать сильным бесполезно.

— Кто сказал?

...

Ван Жохань начал плакать. Чжан Юнцян почувствовал боль в сердце, опустил руки, хотел обнять его.

Но Ван Жохань, воспользовавшись его невнимательностью, присел и выскользнул из-под его рук.

Чжан Юнцян не стал его догонять, громко сказав:

— Жохань, останься со мной. Останься, и ты станешь сильнее.

Он должен был удержать Ван Жоханя, предчувствуя, что если упустит этот шанс, тот больше никогда не обратит на него внимания.

Он не мог допустить худшего. Его сердце, наконец, наполнилось кем-то, как он мог позволить ему ускользнуть?

Ни за что.

Ван Жохань замер, но не обернулся, продолжая идти вперёд.

Зазвенел школьный звонок, ученики на улице ускорили шаг.

— Прости, Жохань, я ошибался. Пожалуйста, стань сильнее... — он с грохотом упал на колени, сильно ударившись головой.

Земля была неровной, и, ударившись головой, он почувствовал, как мозг гудит, тяжело и тупо, словно в его голове была каша, которую невозможно размешать.

Но его память ожила.

В детстве он был непослушным. Отец не любил его, а ещё больше не любил его мать, возвращаясь домой, он бил её. Тогда он был маленьким, и каждый раз, видя, как отец бьёт мать, он прятался.

Позже, когда стал постарше, видя это чаще, он становился смелее, вставая перед матерью, чтобы защитить её. Его упрямое личико было в слезах, а маленькое тело цеплялось за безжалостную ногу отца. Отец, раздражённый, отшвырнул его, словно мусор.

У него потекла кровь из головы, но он не плакал. Крики матери заставили его заплакать.

Он взял кухонный нож и ударил по руке, тянущейся к матери. Кровь брызнула ему в лицо, а мать смотрела на него с недоверием.

Отец, держась за рану, ругался, собираясь ударить его ногой. Он быстро нанёс ещё один удар.

Отец был оттолкнут матерью, и на её плече образовалась глубокая рана, из которой хлынула кровь. Он оцепенел, слёзы хлынули, как фонтан.

Отец назвал его дьяволом, уродом и поспешно ушёл из дома.

Мать, держась за рану, улыбнулась, погладив его по голове:

— Сяоцян, с мамой всё в порядке.

Он продолжал плакать, всё сильнее и сильнее.

Мать сказала:

— Сяоцян, слёзы мужчины — это драгоценность. Ты даришь мне так много, потому что чувствуешь вину?

Он кивнул, продолжая плакать.

Мать сказала:

— Если ты действительно хочешь извиниться, сделай это с максимальной искренностью.

Он перестал плакать, попав в ловушку матери, и спросил:

— Слёзы — это не максимальная искренность?

Мать покачала головой:

— Конечно, нет.

Он перестал плакать, погружившись в размышления:

— Тогда что же является максимальной искренностью?

— Подумай сам. — Мать, обработав рану, вытерла кровь и слёзы с его лица.

Она, превозмогая боль, прибралась в доме, не забывая напомнить:

— Когда придумаешь, извинись передо мной серьёзно.

Он думал два дня, но так и не понял, что такое «максимальная искренность». Спрашивал у друзей, но мнения разделились.

Однажды мать готовила на кухне. Он бросил портфель, подбежал к ней и упал на колени, ударившись головой об пол. Звук удара заставил мать вздрогнуть.

Мать удивилась:

— Сяоцян, что ты делаешь?

Он, не поднимая головы, сказал:

— Мама, прости меня.

Мать поняла, что он извиняется за то, что случайно ранил её. Она хотела лишь отвлечь его, чтобы он не чувствовал себя слишком виноватым.

Оказывается, он всё помнил.

Но этот поклон...

Она похлопала его по колену, обняла и улыбнулась:

— Глупый мальчик.

— Это считается «максимальной искренностью»?

Мать погладила его по голове:

— Считается.

...

Ван Жохань подбежал, пытаясь поднять его. Но его голова не отрывалась от земли, а руки, словно гвозди, были крепко вбиты в землю. Сколько бы Ван Жохань ни старался, он не сдвинулся с места.

Что подумают другие ученики, если увидят это?

Чжан Юнцян сказал:

— Прости, я неправильно тебя понял, пожалуйста, прости меня.

Мать сказала, что поклон — это «максимальная искренность», и он выразил свои извинения с максимальной искренностью, чтобы удержать Ван Жоханя.

В этом мире только мать и Ван Жохань могли заставить его сделать это.

Он знал, что мужчина не должен опускаться на колени. Но Ван Жохань был другим, ради него он был готов на всё. Какая разница, что думают другие? Разве это уменьшит боль в сердце?

Он не хотел, чтобы сердце болело.

— Ван Мэн, Ли Цзя, посмотрите, эти двое парней кланяются друг другу, как муж и жена... О, я умираю. — Женский голос раздался сбоку.

<http://bllate.org/book/15447/1370329>